

К. К. Зельин

ПОМПЕЙ ТРОГ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЕ «HISTORIAE PHILIPPICAE»

По сравнению с блестящими представителями «золотого века» римской литературы Помпею Трогу обычно уделяется меньше внимания. Его произведение «*Historiae Philippicae*» в 44 книгах не отличалось исключительными литературными достоинствами, насколько можно судить по единственной сохранившейся без сокращений речи (Iust., XXXVIII, 4—7); к тому же это произведение было сравнительно рано утрачено, и мы можем составить о нем представление лишь по извлечению Юстина и по «Прологам» — своего рода оглавлению всех 44 книг сочинения Трога. Хотя эти прологи составлены не автором, все же они содержат весьма ценный материал, дополняя во многих случаях извлечение Юстина и показывая отдельные известия последнего в первоначальном авторском контексте. Даже беглое ознакомление с этими источниками показывает, что оригинал представлял собой не только обширное, но и очень содержательное, написанное на основании большого и разнообразного материала произведение, в котором этот материал был объединен и освещен некоторыми общими историческими идеями. Эпитоматор ограничился передачей лишь некоторых моментов в содержании каждой из книг, входящих в состав труда Помпея Трога, но сохранил их число и последовательность. Поэтому и теперь вполне возможно определить, несмотря на огромные лакуны и тенденциозный подбор материала, композицию труда и историческую концепцию автора.

Помпей Трог — современник Ливия. Его труд написан около 7 г. н. э. В глазах Юстина он был человеком, в произведении которого отразился литературный блеск эпохи Августа: это — *vir priscae eloquentiae* (Praef. Iust., 1). Мы знаем о нем только то, что он сам сообщает о себе. Трог был родом из области воконтиев в Нарбонской Галлии (Iust., XLIII, 5, 11). Его дед получил права римского гражданства от Гнея Помпея во время войны с Серторием. Дядя (по отцу) был предводителем отряда всадников под командой того же Помпея во время Митридатовой войны, но отец служил уже Юлию Цезарю в качестве секретаря и переводчика (Caes., Bell. G., V, 36, 1; Iust., XLIII, 5, 12).

Произведение Помпея Трога называется «*Historiae Philippicae*», вероятно, потому, что центральное место в его изложении занимает история Македонии при Филиппе II и Александре Македонском, завоевания последнего и история греко-македонских государств, возникших в результате распада империи Александра (кн. VII—IX, XI—XII, XIII—XVII, XXIV—XL). Название, напоминающее «*Philippica*» Феопомпа, связано с общим замыслом автора (см. ниже), с тем значением, которое в его исторической концепции имела попытка создания «мировой» империи. Но «*Historiae Philippicae*» — вовсе не история только Македонии и ее царей: перед нами развертывается широкая картина развития всего человечества, начиная с седой старины, от царствования легендарных Нина и Семирамиды до живой современности, до времени Августа. Это действительно *res gestae*, по выражению Юстина, «всех веков, царей, племен, на-

родов» (Praef. Iust., 2). Таким образом, оригинал может быть сопоставлен с другими изложениями всеобщей истории, образцы которых завещала нам античная древность.

Помпей Трог изображал весь ход всемирной истории. Насколько можно судить по передаче Юстина и «Прологам», он искусно связывал отдельные части сложного целого, не теряя из виду главной цели своего изложения: показать возникновение, историю и крушение великих держав и начатки культурного развития всех племен и народностей.

Труд Помпея Трога является переработкой сочинения неизвестного нам греческого автора. Было высказано предположение (см. G u t s c h m i d, *Kleine Schriften*, т. V, Leipzig, 1894, стр. 218 сл.), что этим автором был грек из Александрии по имени Тимаген. Его произведение носило название «О царях» (Περὶ βασιλέων). Однако Тимаген нам известен очень мало, и вопрос о предшественнике Помпея Трога остается открытым¹.

С другой стороны, многие исследователи стремились связать выпад Тита Ливия (Liv., IX, 18, 6) против *levissimi ex Graecis* с автором греческого оригинала «*Historiae Philippicae*», усматривали в нем историка с пропарфянскими взглядами. Однако эти предположения следует признать неубедительными (см. ниже).

Отделить то, что принадлежит Помпею Трогу, от того, что взято им из греческого оригинала, возможно лишь в некоторых случаях (II, 2, 14). В общем все же следует признать, что роль латинского автора была второстепенной по сравнению с его греческим предшественником, выразившим с большой яркостью и полнотой идеи, руководившие им при составлении его произведения. В дальнейшем нашем изложении там, где говорится о Помпее Троге, приходится большей частью иметь в виду его греческий оригинал.

Утрате обстоятельного труда Трога, возможно, способствовало появление во II или III вв. н. э. небольшой компиляции Марка Юниана Юстина. В эпоху Римской империи нередко предпочитали краткое изложение обширным произведениям, и эпитома Юстина заменила для широкого круга читателей труд Помпея Трога. Уже в конце IV — начале V вв. н. э. Августин и Орозий имели перед глазами только книгу Юстина, которая стала едва ли не самым распространенным пособием по всеобщей истории. Позднее, в средние века и даже в новое время Юстин не потерял прежней популярности: его произведение переписывали, издавали и переводили.

В своем предисловии Юстин с уважением отзывается о Помпее Троге, сравнивает его с Геркулесом, имея в виду великую задачу, поставленную автором «*Historiae Philippicae*»: привести в порядок и дать в последовательном изложении весь материал всемирной истории. Задача Юстина другая: он задумал, выпуская все, что казалось ему не интересным и не являющимся поучительным примером, составить своего рода выборку (*florum corpusculum*). Фактический материал вновь подвергся пересмотру и отбору с примитивной морализирующей точки зрения. Эпитоматор, как об этом свидетельствуют прологи и самый текст Юстина, выбрасывал иногда обширные части сочинения Трога, содержащие ценные сведения, и безжалостно искажал даже то, что вводил в свое изложение. Несмотря на это, произведение Юстина имеет важное значение как исторический источник, в особенности для эпохи эллинизма. Это положение станет более ясным, если обратить внимание на историческую обстановку, в которой появились «*Historiae Philippicae*».

В середине II—I вв. до н. э. античный мир пережил события, которые не только отразились на всем ходе его последующего развития, но и наложили сильнейший отпечаток на сознание современников. Эти события, обусловленные в конечном счете социально-экономическими факторами, в свою очередь содействовали обострению классовой борьбы и в Италии и за ее пределами. Развитие рабовладения в его самых жестоких формах, ломка старинных форм жизни, включение сравнительно отсталых

¹ См., например, решительное возражение против этой гипотезы у Н. F u c h s 'a, *er geistige Widerstand gegen Rom in der Alten Welt*, Berlin, 1938, стр. 42, прим. 41.

областей в сферу мировой политики принимали иной раз характер настоящей катастрофы.

Население покоренных стран неодинаковым образом реагировало на опустошительные римские завоевания. Некоторые греческие государства и союзы ожесточенно сопротивлялись римской агрессии, ища себе союзников на эллинистическом Востоке. Другие стремились заручиться содействием всемогущих завоевателей и были признаны «друзьями и союзниками римского народа». Третьи предпочитали до поры до времени оставаться нейтральными, выжидая хода событий и желая примкнуть к той стороне, которая окажется победительницей. То же наблюдается и в восточно-эллинистических государствах. Там не было недостатка в попытках дать энергичный отпор завоевателям, претендовавшим на мировое господство, но не было также единства и последовательности в политике этих государств.

С другой стороны, сопротивление римлянам выливалось в иную форму — форму широких социальных движений или местных движений сепаратистского характера, в которых борьба провинциального населения тесно переплеталась с борьбой партий в Риме.

Ярким примером социальных и в то же время антиримских движений служит восстание Аристоника в Пергаме, доставившее римлянам так много хлопот, или восстание лже-Филиппа в Македонии. Первое и Второе восстания рабов в Сицилии также теснейшим образом связаны с политикой римлян в провинциях, с массовым обращением в рабство свободного населения Малой Азии и Сирии. Хотя все антиримские движения, какой бы характер они ни носили, были подавлены, однако эта борьба в течение примерно ста пятидесяти лет не могла не оставить глубоких следов в сознании населения, и даже в тех скудных известиях, которые дошли до нас, мы можем уловить чувства и мысли, которые возбуждала римская агрессия у провинциального населения, в частности у эллинов, почувствовать ту силу сопротивления, которую она вызывала.

В последние два — три десятилетия проблема римского «империализма» привлекала внимание многих исследователей. Понятно, что не только решения, но и правильной постановки этой проблемы в буржуазной историографии дано не было. Но и в советской науке, в которой соответствующие концепции этой историографии подверглись справедливой и убедительной критике, не было обращено достаточного внимания на одну сторону вопроса, которая имеет огромное значение для понимания всей проблемы в целом, а именно, на и д е й н ы й п р о т е с т против римской политики, против приемов завоевания и дипломатии римлян. Между тем нельзя думать, что весь этот поток произвола, насилий и разрушений всякого рода, обращение в рабство десятков и сотен тысяч свободных людей, примеры неслыханно лицемерной и коварной международной политики, грубое вмешательство во внутреннюю жизнь населения покоренных областей, ограбление провинций откупщиками и ростовщиками, что все это не отразилось на сознании людей этого времени, в их философии, историографии, публицистике, художественной литературе, верованиях и чаяниях. Вопрос этот требует специального исследования на основе всего имеющегося материала. Такая задача здесь не может быть поставлена, но все же для понимания «*Historiae Philippicae*» необходимо напомнить об этом движении умов, об этой волне негодования и ненависти, о стремлениях к лучшему будущему, о проклятиях, надеждах и пророчествах, которые появлялись и множились в связи с разворачивающимися событиями. Правда, победы римского оружия и установление принципата естественно привели к господству в литературе и философии официальной идеологии, к прославлению Рима и его исторической миссии, к идеализации *Pax Romana* и его хранителя — Августа. Но даже эти победы в области идеологии не могли вовсе заглушить осуждающие голоса людей, выдвигавших против Рима тяжкие обвинения, отказывавшихся преклониться перед успехом, добытым любыми средствами. Именно в эллинистических странах этот протест звучал всего громче, там вырабатывалась сложная аргументация, обращавшаяся к историческим примерам, философским доказательствам, к чувству и моральному сознанию для борьбы с ненавистной властью грубых завоевателей. На востоке этот протест обычно принимал религиозную форму. Представлению о земном владыке противопоставлялась идея о гос-

подиине неба и земли, о спасителе людей, Мессии, о небесной награде, ожидающей несчастных и гонимых за все их невыносимые земные страдания.

В связи с общим ходом культурного и идеологического развития эллинистического Востока там все сильнее становилось религиозное движение, множились секты, пересматривались традиционные верования. Там же сложились условия, которые привели позднее к возникновению и развитию новой мировой религии. Религиозные движения имели основу в социальных и политических отношениях, и позднее в Палестине ярко обнаружился тот факт, что подобное движение, выражавшее идеологию демократических группировок, было и движением антиримским. Хотя должно было пройти еще несколько десятилетий, прежде чем это движение приняло вполне определенную форму и в области религиозных верований отчетливо сказались отвращение к земному богу и протест против римского мирового господства, однако уже социальные движения II в. до н. э. нередко были связаны с эсхатологическими представлениями, религиозной символикой и старинными верованиями Востока¹. Но антиримская идеология вовсе не может быть сведена к этого рода представлениям. В борьбе против римлян, в стремлении противопоставить официальной идеологии иную систему идей нередко обращались к рациональным соображениям, выдвигали определенную политическую программу.

Антиримская идеология оставила след в сочинениях римских авторов. В уста исторических деятелей, выступавших против Рима,—политиков Эллады, Митридата Евпатора и др.—древние авторы вложили речи, проникнутые негодованием и ненавистью к Риму. Если эти речи и представляют собой плод риторического творчества и являются, как и все остальные, неизбежной составной частью исторического произведения античного автора, то все же несомненно, что самая аргументация, притом обычно имеющая сильную эмоциональную окраску, заимствована из действительности. Особенно сильно, как увидим, антиримские взгляды и настроения проявились у Помпея Трога, но «*Historiae Philippicae*» вовсе не представляют в этом отношении исключения, и сходные характеристики или отдельные положения встречаются у авторов, в общем стоявших на позиции поддержки традиционной римской агрессивной политики или лишь слабо возражавших против ее крайностей.

Саллюстий, например, описывая яркими красками господство «немногих» (*imperium paucorum*), слепых от жадности, бичуя их надменность и жажду наживы, говорит, что цари и свободные народы должны были платить немногим представителям знати подать (*vectigal*), что власть олигархии была несправедливым господством (*iniustum imperium dominorum* — *Bell. Jug.*, 31). Интересно в этом отношении письмо Митридата к Арсаку в «*Historiae*» Саллюстия. Старинная и единая причина войн римлян со всеми племенами, народами и царями — в их страстном стремлении (*cupido profunda*) к власти и богатствам. Римляне уже распространили свою власть на запад до пределов Океана. Они все захватывают: дома, жен, поля, власть. Кто же такие римляне? Это — сброд (*conpeneae*) без отечества, без предков, чума всей вселенной. Они ни перед чем не останавливаются — ни перед человеческим, ни перед божественным, но уничтожают могучих и слабых, далеких и близких, направляют оружие против всех, в особенности же против тех, от кого можно ждать большой добычи. Возвысились они благодаря непрерывным войнам. Задача заключается в том, чтобы подавить этих грабителей народов (*latrones gentium*).

Даже у такого историка, как Тит Ливий, прославляющего римское могущество и доблесть, иногда звучат подобные же мотивы. Филипп V (*Liv.*, 39, 24) говорит, что можно делать лишь то, что разрешит римский полководец. Ликорта резко высказывается в антиримском духе (*Liv.*, 39, 37).

Если и верно, что речи врагов Рима могут не характеризовать воззрений римского автора этих речей, то все же можно думать, что этот автор, стремясь сделать свое изложение убедительным, привлекал в речах своих персонажей какой-то реальный ма-

¹ См. Н. А. М а ш к и н, Эсхатология и мессианизм в последний период римской республики, ИАН СССР, серия истории и философии, т. III, 1946, № 5.

терпал, что они отражают в известной мере мысли и настроения тех лиц, которые их произносят. Притом греческая историография и римская уже с начала II в. до н. э. развивались не изолированно, но в тесной связи друг с другом, что сопровождалось заимствованиями, подражанием и использованием материала как с той, так и с другой стороны.

Ход исторических событий во II—I вв. до н. э. — поразительные военные успехи Рима, утверждение римской власти над эллинистическим Востоком, бедствия, которые приходилось претерпевать покоряемым странам, — не могли не наложить сильнейшего отпечатка на историческую мысль. Существование и развитие различных исторических жанров связаны с основными проблемами, стоявшими перед историками.

Как и прежде, излюбленной темой исторических произведений остается история войн. Это — история войн Македонии, в результате которых она достигла гегемонии над Элладой, войн диадохов, войн Клеомена в Пелопоннесе, походов Ганнибала, наконец войн Рима с Карфагеном и Македонией. Позднее (в конце II — I вв. до н. э.) целая плеяда историков разрабатывает материал о войнах Митридата, о войне с Югуртой, так красочно описанной Саллюстием, наконец историю гражданских войн.

Однако античные историки уже давно пытались выходить за рамки истории отдельных войн: их стали интересовать общий ход событий, последовательность, причины и связь явлений в различных странах, общая политическая история всего античного мира. Эти идеи, конечно, появлялись и раньше, и раньше были авторы, умевшие нарисовать широкое историческое полотно (Геродот, в IV в. до н. э. — Эфор), но лишь в позднеэллинистический период идея всеобщей истории получает наиболее яркое выражение и обогащается новым содержанием, обусловленным историческим развитием этого периода.

Все более обнаруживавшаяся связь между судьбами различных, часто отдаленных друг от друга государств невольно заставляла обращать внимание на проблемы общен исторического характера, на о б щ и й ход истории экумены.

В начале II в. до н. э. возникает учение о смене мировых держав, и вся периодизация всемирной истории связывается с этой схемой. Основная проблема историографии II—I вв. до н. э. — проблема власти. Величайший историк позднеэллинистического периода Полибий — горячий сторонник идеи всеобщей истории. Его труд подвел итог развитию греческой историографии в III—II вв. до н. э., в необыкновенно яркой форме отразил основной смысл политической истории своего времени. Достаточно вспомнить начало его труда, самую постановку темы о всемогуществе Рима, прочности римской державы и сравнение ее с великими державами прежнего времени — персидским государством, Македонией, Спартой.

Но тенденция к рассмотрению исторических явлений в их общей связи, во всемирно-историческом аспекте не умирала и после Полибия, и в начале империи появляются такие обширные и замечательные труды, как «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского и «Historiae Philippicae» Помпея Трога.

С другой стороны, все большее внимание привлекают вопросы внутренней борьбы. Грандиозные восстания рабов в Сицилии, ожесточенные классовые столкновения в Греции, попытки социального переворота в Спарте при Агисе и Клеомене, гракханское движение и последующие, все нараставшие и принимавшие все более крупные размеры и все более жестокие формы гражданские войны в Италии служили темой исторических трудов и давали материал для исторических построений. Проблема власти разрабатывалась и по отношению к внутренней истории, причем здесь, естественно, выдвигался вопрос об отношении обладателей этой власти к массе населения или к отдельным его группам. Эта проблема власти рассматривалась главным образом в рамках отдельного государства, и при этом вопрос об эксплуатации других народов и покоренных племен занимал подчиненное место.

Изложение выдающихся фактов внутренней — социальной и политической — борьбы принимало либо привычную форму рассказа о войне, т. е. о гражданской войне (Цезарь, позднее Аппиан), либо давалось в форме повествования о заговоре, и тогда для автора открывались широкие возможности применить все способы худо-

жественного изображения, весь запас риторических правил, все средства психологической характеристики. Обычно рассказ о заговоре (*conjuratio*) входил как составная часть в более крупное историческое произведение — историю отдельного государства или «всеобщую историю». Вспомним драматический рассказ Тита Ливия о вакханалиях, о заговоре (*conjuratio intestina*), который из Этрурии «словно болезнь» распространился в Риме и по всей Италии. Диодор Сицилийский использовал ту же форму рассказа в своем изложении истории восстаний рабов Сицилии. Характерной чертой истории заговора было изображение демонической фигуры вождя заговорщиков, превосходящего в некоторых отношениях прочих людей своими дарованиями, но в то же время употребляющего эти дарования на пагубу обществу. Самым ярким образцом этого своеобразного исторического жанра представляется «Заговор Катилины» Саллюстия.

В связи с безотрадным зрелищем кровавой междоусобной борьбы в Риме, так же как раньше в Греции, растет интерес к истории первобытного строя, к начальной стадии в развитии цивилизации, того времени, для которого характерно отсутствие сильнейших мотивов деятельности современных людей: жажды денег, господства и пр. В исторические произведения вплетается этнографический и культурно-исторический материал, находят себе место экскурсии, посвященные идеализации первобытных отношений.

Античные историки (Полибий и др.) обычно усматривали причины событий в психологических факторах. Поэтому понятен их интерес к психологии «великих» людей, проявляющийся в науке и литературе позднеллинистического периода. Образцом биографического жанра, зародившегося еще в III в. до н. э., в римской литературе являются жизнеописания Корнелия Непота.

В римской историографии и политической литературе I в. до н. э. широкое распространение получил особый литературный жанр — описания «деяний» того или иного полководца или политика (*res gestae*). Как в других областях литературы, римляне и здесь шли отчасти по следам греков, хотя и сохраняли известную оригинальность. Греческий термин, соответствующий *res gestae* — *πράξεις*. Ливий и Саллюстий постоянно пользуются термином *res gestae*, и именно в этой форме Август изложил основные моменты своей деятельности. Впрочем, *res gestae* могли быть не только у отдельных деятелей, но и у народов.

Все разнообразные элементы исторического повествования, особенно в широких рамках «всеобщей истории», тесно сочетаются одно с другим: международные отношения и внутренняя борьба, характеристики деятелей, морально-философские рассуждения, социальные и политические схемы, программы и лозунги. В историографии сталкиваются различные концепции исторического процесса, различное его понимание, а эти различия служат выражением ожесточенной идеологической борьбы, в свою очередь отражавшей общественные противоречия. Но как бы ни были различны формы изложения исторических событий, во всех них можно обнаружить некоторые общие черты. Такой чертой является, например, риторическая обработка исторического материала. Эта обработка в греческой историографии получила особенно широкие размеры у историков, принадлежащих к школе Исократов, а позднее, в эллинистическую эпоху, в связи с господствующими литературными вкусами, она делается необходимым моментом исторического изложения. Труды историков, ставивших по-иному задачу исторического изложения (Манефон, Берос, Птолемей, Аристокл и др.), не пользовались популярностью. Риторика открывала широкие возможности для характеристики исторических деятелей и событий, для выражения идей автора и действующих лиц его повествования, для привлечения ценного исторического материала, содержавшегося в таких произведениях, которые иначе трудно было бы использовать (например, произведения антиримского направления). Самое существенное это то, что риторика служила целям выражения определенной исторической концепции, что она была удобным средством психологического и морального воздействия, придавала изложению занимательность и нередко ярко выраженный эмоциональный характер.

С другой стороны, риторическая обработка нередко оказывалась связанной с философией. Греческая историография со времени своего первоначального развития

имела философский характер, выражала те или иные философские идеи. В эллинистический период на ней в еще большей мере сказалось влияние философии, в особенности стоицизма. Как в области собственно философии наблюдалось в это время ослабление оригинального творчества, так и в сфере философии истории чаще можно заметить применение некоторых ходячих идей к освещению исторических событий. Даже Полибий в этом отношении целиком стоит на плечах своих философских предшественников, используя идеи политической философии перипатетиков конца IV в. до н. э. (Дикеарха) и стоиков. Философия Средней стои не только повлияла на исторические построения, но и выдвинула исключительного по широте своих научных интересов и по разносторонности эрудиции ученого и философа, много потрудившегося и в области собственно истории. Это был Посидоний, оказавший сильное влияние и на римскую историографию.

В этой историографии выяснение политического значения событий связано теснейшим образом с их морально-философской оценкой. Изображение деятелей принимает ярко выраженный моралистический характер.

Очень трудно наметить основные направления в историографии, как греческой, так и римской, времени начинающегося кризиса и падения республики. Все же можно выделить два способа решения основных вопросов, а именно проблемы мировой державы — а таковой был в это время Рим — и проблемы власти в смысле отношений между правящим слоем и остальной массой населения.

В отношении первого вопроса большая часть римских историков, а отчасти и греческие, являются апологетами римской власти и соответствующим образом изображают (подобно Полибию) распространение римской власти на другие, когда-то самостоятельные государства, как «прекраснейшее деяние судьбы». Однако наряду с апологетической тенденцией, несомненно, существовало и антиримское направление в историографии.

Все историки принадлежали к классу рабовладельцев и в этом отношении сходны между собой. Но внутри этого класса не было единства, борьба олигархической и демократической партии в Греции, оптиматов и популяров в Риме отражала острые социальные противоречия. Историки примыкали по своим взглядам к одной из борющихся группировок, и в их произведениях можно обычно подметить определенную политическую тенденцию. Однако эти главные направления исторической мысли получали такое разнообразное выражение, что указанные течения позволяют лишь в самых общих чертах представить состояние историографии того времени и делают необходимым ближайший анализ трудов каждого из представителей этой историографии.

У Помпея Трога можно найти все различные элементы изложения, характеризующие греко-римскую историографию этого времени. Но эти элементы не имеют самостоятельного значения в «*Historiae Philippicae*». Они нужны автору, чтобы показать процесс возникновения державы, изобразить всю беспощадность, беспринципность, антиморальный характер деятельности создателей империй. Все объединяется общим замыслом и общей тенденцией, враждебной по отношению к агрессивным государствам и их правителям, стремлением показать, что преступления вызывают наказание, что падение государств — следствие нравственного упадка их правителей¹. Автор, как давно было установлено, очень вольно обращается с фактами, но все же его произведение — не роман, как называл некоторые части этого труда Буше-Леклерк, но политическое и морально-дидактическое произведение, в котором автор пользуется историческим материалом для доказательства некоторых историко-философских положений. Перед читателем проходит целая галерея исторических деятелей, разворачивается широкая картина истории античных стран — и в этом отношении его рассказ имеет немалую историческую ценность. Другое дело — то объяснение, которое дает автор описываемым им событиям. Прежде чем перейти, однако, к этому объяснению и к характеристике исторической концепции Трога, следует рассмотреть весьма сложный вопрос об его источниках и о способе их использования в «*Historiae Philippicae*».

¹ См. К. К. З е л ь и н, Основные черты исторической концепции Помпея Трога, ВДИ, 1948, № 4.

Источники «*Historiae Philippicae*» многочисленны и представляют целый комплекс известий самого различного масштаба, характера и ценности.

В главах о древнем Востоке широко использованы Геродот, Ктесий, и др.¹ В книгах, в которых рассказывается о событиях в Греции и в эллинистических государствах, можно обнаружить заимствования из произведений различных писателей. Перед читателем — наследие всей греческой историографии классической и эллинистической эпохи: использованы сочинения логографов, Геродота, Фукидида, историков IV в. (Эфор, Феопомп и др.), историков Александра (Клитарх), Тимея, Дейнона, Гieronима из Кардии, Филарха, Полибия, Посидония, историков Митридатových войн и пр. Определение состава источников для отдельных глав книги Юстина — задача специального, кропотливого исследования, которое приводит иной раз к неожиданным и важным выводам.

Однако необходимым условием ее разрешения, нам кажется, должно быть то, чтобы исследователь не ограничивался изолированным анализом отдельных глав или даже книг, лишь сопоставляя соответствующие пассажи Юстина и других авторов и устанавливая таким образом литературное сходство или различие «*Historiae Philippicae*» с иными историческими произведениями (ср., например, E n m a n n A., Untersuchungen über die Quellen des Pompeius Trogus, 1880), но чтобы он не упускал из виду господствующие идеи всего произведения, своеобразную фразеологию и терминологию автора. При изучении источников Трога важно определить не только что он взял у своих предшественников, но и как он связывал и в каком направлении обрабатывал заимствованный материал.

Общее суждение о степени достоверности и о способе изображения исторических событий в «*Historiae Philippicae*», как известно, очень неблагоприятно, хотя специалисты, высказывающие его, нередко ставят в вину Юстину произвол и неполноту изложения, грубое искажение исторической действительности, не касаясь при этом вопроса о том, что в этом отношении представляет собой труд Помпея Трога.

Ф. Ф. Соколов, разбирая в своей статье «Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского» (см. Труды Ф. Ф. Соколова, стр. 217 сл.) пролог к XXVI книге и содержание извлечения из этой книги, сделанного Юстином, пришел к выводу о крайнем произволе, «изумительной небрежности» и грубых ошибках эпитоматора, в результате работы которого «почти ничего не осталось дельного», произошло «крушение исторических фактов». Соколов считает, что Юстин — «мутный источник» и что установить, было ли так рассказано о событиях у Помпея Трога, как о них передает Юстин, невозможно. Однако этот суровый приговор представляется односторонним, пока не выяснено соотношение между содержанием текста Помпея Трога и эпитоматора: «Анекдотическая и моральная сторона», которая, согласно утверждению Соколова, лишь и интересует Юстина, «цветистые фразы» последнего, можно думать, выступали сильно и у Помпея Трога, так же как, например, изображение «непостоянства фортуны». Но, конечно, Ф. Ф. Соколов прав, указывая, что Юстин выпускает ряд самых существенных моментов в изложении Трога, упрощает и искажает даже и то, что сохраняет в своем рассказе. Все сказанное свидетельствует о необходимости чрезвычайно критического отношения к рассказу Юстина, но несколько не лишает его значения и большой ценности в тех случаях, когда удастся установить, что в основе его лежит содержательный и достоверный материал. Во всяком случае важно отметить, что в результате анализа некоторых отдельных книг Юстина исследователи приходили к выводу, что известия Юстина содержат важные и в общем достоверные сведения, хотя и в очень краткой форме и в силу этой краткости, а также вследствие небрежности малосведущего эпитоматора неполные, малосвязанные и соединенные с ошибочными домыслами. Известия Юстина иногда подтверждаются данными источников другого рода (позднейшими авторами, папирологическими данными, археологическими раскопками и пр.).

Г а р н в своем труде «*The Greeks in Baktria and India*» (London, 1938) выделил

¹ См. G u t s c h m i d, ук. соч.

особый источник, использованный Юстином: сочинение неизвестного автора по истории Бактрии и Парфии. А л ь т х е й м (Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, т. I, стр. 2 сл.), утверждает, что этим автором был Аполлодор из Артемиды, историк II в. до н. э., труд которого был использован и Страбоном. Но оба исследователя, расходясь по вопросу об авторе, согласны в определении тех частей текста Юстина, в которых, по их мнению, использовано сочинение этого автора, и в признании исторической ценности сведений, содержащихся в этих частях (т. е. книгах XLI—XLII). С. П. Т о л с т о в (Древний Хорезм, М., 1948, стр. 233) признает, что в тексте Юстина мы находим данные для раскрытия характера такого важного исторического события, как отпадение Парфии.

В других случаях также можно наблюдать, что, несмотря на ошибки, нелепости и лакуны, Трог сообщает ценные фактические сведения, хотя его объяснения, связанные с его морально-политическими воззрениями, являются наивными или искажающими историческую действительность. Б у ш е - Л е к л е р к (Histoire des Lagides, т. I—IV, Paris, 1903—1907) подробно разбирает сообщения Юстина относительно переворотов в Египте в конце II — начале I вв. до н. э. Он показывает, как произвольно устанавливается у Юстина, например, связь между смертью Клеопатры III и переворотом в Александрии, результатом которого было изгнание Птолемея Александра (ук. соч., т. II, стр. 103 сл.). Но и в этой книге, в особенности если взять ее в целом, а не рассматривать лишь отдельные ее фрагменты, можно найти, хотя и в сжатой, отрывочной и искаженной форме, факты, которые могут помочь в восстановлении действительного хода событий. Задача, на трудность разрешения которой указал Буше-Леклерк, — установить, что следует сохранить в рассказе Юстина, — только и может быть разрешена путем сопоставления его известий с показаниями других источников и путем анализа его взглядов в связи с состоянием историографии эллинистического периода.

Поскольку компилятивная манера изложения автора вовсе не обязательно связана с отсутствием у него оригинального понимания исторического процесса, настоящей задачей является изучение идейного содержания данного исторического произведения. Труд Помпея Трога в философском отношении не представляет ничего оригинального: основные понятия моральной философии, которыми оперирует автор, те же, что и у Цицерона или Саллюстия. Система этих понятий представляет собой в значительной мере дальнейшее развитие идей Средней стои. Оригинальность Помпея Трога заключается в применении этих философских положений к конкретному историческому материалу. Представляя настоящую мозаику известий, заимствованных у многочисленных авторов, «Historiae Philippicae» отличаются яркостью общей схемы, единством мысли, определенностью основных положений, помогающих осмыслить исторический процесс.

Главное понятие, которым пользуется Трог и которое можно найти не у него одного, — это понятие *imperiū*. Автор вкладывает определенное содержание в это понятие: это — особая система господства — система насилия, произвола, захватнических стремлений. В начале истории человеческих обществ мы находим первоначальное «естественное» состояние, когда нет еще нужды в законах, когда господствуют суровые, но добрые нравы, когда над людьми еще не тяготеет жажда наживы и они не придают цены деньгам. На смену этому состоянию приходит другой период, период образования империй, торжества низменных, стремлений человеческой природы. Основателем первой империи был ассирийский царь Нин (I, 1), с него начинается жажда господства (*novi imperii cupiditas*). Целью Нина, как и других завоевателей, было создание державы, огромного комплекса подвластных земель, а не победа над врагом и жажда славы, как в прежние времена.

Возникновение империй ведет к изменению в нравах. Прежние добродетели — умеренность, доблесть, кротость, воздержанность сменяются жестокостью, высокомерием, алчностью, стремлением к роскоши. При Нинии, Сарданапале, преемниках Нина и Семирамиды, эти пороки — нравственный упадок, стремление к восточной роскоши, изнеженность — проявляются в яркой форме. Существенно то, что эта схема

двух стадий в развитии Ассирии сохраняется и для многих других государств и — что особенно характерно — для истории Македонии. Сходные суждения, характеристики, термины встречаются при изложении истории Афин и Спарты, Македонии и Сицилии, Птолемеевского Египта и государства Селевкидов, Рима и Парфии. Цари и целые государства, выступающие как завоеватели, находят себе в сочинении Трога отрицательную характеристику. Неумеренное стремление к господству, широкая завоевательная политика возбуждали страстную ненависть. Автор проводит настойчиво мысль о губительности империй и их политики для свободы народов: удел покоренных — рабство. Установление македонского господства привело к порабощению Греции (XXX, 3, 9; XI, 14, 6 сл.).

Учение о мировых империях возникло давно: уже в IV в. до н. э. им пользовались при изложении исторического материала (Феопомп). К началу принципата схема получила широкое распространение. У Трога эта схема сочетается с идеей морального упадка, с идеей смены умеренности и доблести алчностью и высокомерием. Эта последняя идея, высказанная представителями Средней стои (Посидоний), нашла оригинальное применение к историческому материалу у Помпея Трога (вернее, в том сочинении греческого историка, которым он пользовался); привычная схема как бы наполнилась новым содержанием в связи с самыми острыми проблемами современной ему международной жизни.

Трог много говорит о войнах и их различном характере. Возникающие империи ведут войны с соседями (*bella cum finitimis*). Филипп II побеждает и подчиняет соседние племена, но также действуют Агафокл и Кассандр, Селевкиды и парфяне (Митридат) и др. Войны с соседями характеризуют первоначальную стадию процесса роста державы, которую Трог обозначает особым термином (*incrementa*)¹.

С наибольшей полнотой и наиболее ярко мысли о способе возникновения и характере державы развиты на примере Македонского государства, занимающего в труде Помпея Трога центральное место в изложении всеобщей истории. Грань в истории Македонии образует царствование Филиппа II. Македония до Филиппа — небольшое государство, правители которого, однако, проявляли доблесть, умеренность, энергию. Деятельность Филиппа II, его в высшей степени агрессивную политику Трог рисует чрезвычайно темными красками. Македонский царь «подстерегал их [греческие государства] как будто на дозорной башне, строил козни против их свободы, разжигая соперничество между государствами, приходя на помощь слабейшим» (XIII, 1, 3). Филипп действует как разбойник и преступник (*fraude latronis et scelere*, VIII, 3). Он продавал женщин и детей в рабство, не щадил ни храмов, ни других священных зданий (VIII, 3, 3 сл.). Характерными особенностями политики Филиппа, создателя мирового могущества Македонии, были не только беспощадная жестокость, низменные побуждения, но и вероломство и лицемерие. Совершенно ясно резко отрицательное отношение автора к этой политике.

Такое же отношение сохраняется и в рассказе о деятельности Александра, хотя тон автора менее резок, а в заключение даже говорится о величии духа (*magnitudine animi*) македонского завоевателя. Военные успехи, расширение державы, приобретение власти над всей Азией имеют печальные нравственные последствия для македонян. Подобно тому как Филипп навязывает Греции «царское рабство», так и Александр накладывает «ярмо рабства» (*jugum servitutis*) на всю Азию. И в характере Александра не раз отмечаются двоедушие, коварство, высокомерие. Он возбуждает неприязнь к себе у побежденных, страх и ненависть у друзей. Помпей Трог использовал уже существовавшие в литературе отрицательные характеристики Александра, но каковы бы ни были его источники, важно то, что вся история возвышения Македонии имеет целостный характер: это возвышение ведет к порабощению других народов, а сами создатели величайшей державы рисуются в значительной мере в виде свирепых и двоедушных тиранов. Заключительная характеристика Александра (XII, 16) не меняет ничего в общей концепции «империи»: в ней говорится главным образом о пред-

¹ См. К. К. З е л ь и н, ук. соч., стр. 221.

знаменованиях его будущего величия, о его военных успехах, о его власти над миром.

История борьбы династов и эллинистических царств в III—I вв. до н.э. — это — картина пагубного воздействия пороков и страстей на судьбу государств, это — история, полная преступлений всякого рода, кровавых убийств родственников; их взаимная ненависть и соперничество делают эллинистический мир добычей римлян.

Трог не излагает истории римской державы, он касается только первоначальных моментов ее развития (*initia imperii Romani* — XLIII, 1, 2). Однако отношение автора к римской политике выступает достаточно ясно. Характерные черты этой политики — ее агрессивность, неразумная жадность, поразительное двоедушие — проявляются не раз в отношениях Рима к эллинистическому миру и к Карфагену. Победы Рима, создание Римской империи — следствие раздоров в эллинистических государствах и покровительства судьбы (XXX, 4, 16; XXXIX, 5, 3).

Наиболее яркими образцами резкого порицания римской политики, изображения римлян самыми отрицательными чертами служат в труде Помпея Трога речи этолий (XXVIII, 2), Деметрия, правителя Иллирии, (XXIX, 2, 1 сл.) и Митридата (XXXVIII, 4—7). Фуке в своей работе об идейной борьбе против Рима в древнем мире считает безусловно неправильным из наличия речей, враждебных по отношению к Риму, делать вывод относительно политических взглядов того автора, в произведение которого включены эти речи (см. F u c h s, ук. соч., прим. 46; ср. E. S c h r e i d e r, *De Pompei Trogi Historiarum Philippicarum consilio et arte*, Weidae Thuringorum, 1913, стр. 51). Он ссылается (следуя Шрейдеру) для подтверждения своего взгляда на некоторые речи у Саллюстия, Цезаря, Ливия, Тацита и др. Это утверждение, по существу правильное, все же недостаточно: оно показывает лишь раз односторонность изолированного анализа отдельных мест источника. Конечно, римский автор мог из риторических соображений включить в свой труд антиримские высказывания, вовсе не разделяя этих взглядов (например, Ливий). Однако решающим при этом является не наличие такого высказывания, которое притом обычно бывало заимствовано из более раннего произведения, иногда написанного с совершенно иных позиций, но связь идей автора, впечатление от его труда в целом. Если Тацит в «*Agricola*» дает необыкновенно резкую характеристику римлян, то эта характеристика принадлежит не ему и даже не тому автору, у которого он непосредственно заимствовал (Сенека), но писателю более раннего времени, в произведении которого она была не только риторическим украшением или случайным придатком, но элементом изложения, органически связанным с остальным содержанием. Поэтому нельзя пройти мимо антиримских речей и в «*Historiae Philippicae*», если рассматривать их не изолированно, но в связи с общими историческими взглядами этого автора и с разрозненными, но характерными его высказываниями о Риме.

Ненадki на Рим в упомянутых трех речах принимают крайне резкую форму. У римлян ненасытная жажда крови, власти, богатства, они стремятся к власти над миром. Чем ближе к ним, чем благороднее царство, тем более ожесточенными его врагами являются римляне. Впрочем, борьба с ними не безнадежна: они терпели ряд поражений в прошлом. Город Рим основан на братоубийстве. Все должны поднять оружие против этого народа-разбойника (*latronem*).

Сравнительно немногие упоминания о доблести, энергии и сдержанности римлян теряются среди этих выпадов. Было бы неосторожно приписывать целиком антиримские высказывания Трогу — они несомненно составляли существенную часть идеологического содержания того труда греческого историка, который был использован римским автором.

Ливий, как было упомянуто выше, говорит об авторе, возвеличивающем Парфию. Ввиду многократных попыток отождествить этого писателя с автором греческого оригинала «*Historiae Philippicae*», важно присмотреться к тому, как относится Трог к Парфии, как изображает он парфянских царей. Ведь парфянам принадлежит власть над Востоком (XII, 1, 1). Однако и в характеристике Парфии мы встречаем те же черты, что и в истории македонской или римской державы. Парфяне — изгнанные скифов

(Scytharum exsules, XLI, 1, 1). Они находились в порабощении у македонян, и только счастливая судьба сделала их властелинами прежних владык. Отличительными чертами их правителей были жестокость, высокомерие. Начало парфянского государства — время деятельности Арсака — связано с выступлением разбойников. Фатум Парфии в том, что преступнейший из всех (Фраат) стал ее царем (XLII, 4, 16). Судьба, избавившая парфиан от порабощения македонянами, возвела их при Митридате на самую вершину власти (XLI, 6, 2).

Наряду с историей возникновения и развития держав важнейшей составной частью содержания «*Historiae Philippicae*» является первоначальная история культуры, обозначаемая термином *origines*.

Если понятие *origines* и не является однозначным (ср. К. Т р ü d i n g e r, Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie, Basel, 1918, стр. 130), если нельзя точно определить грань, отделяющую начальный период развития от последующего времени, то все же содержание этого понятия у Трога достаточно определено. История культурно-исторических и этнографических экскурсов восходит к началу развития греческой прозы — к произведениям логографов и Геродота. Большое значение получила обработка этого материала в аспекте историко-философских идей и политических теорий IV в. (Эфор, Феопомп, школа Аристотеля) и эллинистической эпохи (стоики, в особенности Посидоний). В результате образовалась определенная схема, совокупность приемов и характеристик, переносившихся с одного народа на другой. Типологичность в греко-римской историографии проявляется особенно сильно в изображении ранних ступеней развития общества и культуры. При изображении *origines* того или иного народа автор разрабатывал, обычно с применением риторических приемов, традиционные *topoi*, темы, прочно вошедшие в научный обиход: происхождение народа, объяснение его имени, физические свойства, вооружение и способ ведения войны, одежда, жилище, пища, образ жизни, способ правления, обычаи, религиозные верования и пр. (см. К. Т р ü d i n g e r, ук. соч., стр. 175). Понятно, что содержание *origines*, т. е. первоначальной истории культуры, находилось в тесной связи с исторической концепцией данного автора, с его политическими взглядами, с философскими представлениями об изменении нравов и об их роли в истории политического развития.

Соответствующие части труда Трога представляют большой интерес, так как в «*Historiae Philippicae*» собран обширный материал по истории культуры всего средиземноморского мира. О значении изложения *origines* в произведении Трога свидетельствует сопоставление того, что сохранилось в эпитоме Юстина, с «Прологами». Всего можно насчитать более сорока *origines* самых различных племен, государств, городов: македонян, эпиротов, Кирены, Апулии, Византия, Афин, Родоса, парфиан и пр. и пр. Все в целом представляет собой пеструю смесь картин из ранней истории, экскурсов в область топонимики, этнографии, истории культуры и религиозных верований. Содержание *origines* теснейшим образом связано с историей царей мифической или древнейшей исторической эпохи соответственно тому положению, которое у Юстина стоит в самом начале изложения: «Изначала власть над племенами и народами находилась в руках царей...» (I, 1, 1). Нередко для начала культурного развития имела особенное значение деятельность законодателя. В Эпире Арриба первый дал законы, установил формы государственного управления, сделал жизнь «более культурной» (XVII, 3, 13; III, 2—3 и др.). Может быть, здесь проявляется влияние Посидония, который подчеркивал роль законодателя.

Однако перед нами не просто картина из древнейшей жизни человеческих обществ: через весь труд Помпея Трога проходит противопоставление двух миров — *origines* и *imperia*. Изображение первоначальных добрых нравов, мирных успехов культуры представляет резкий контраст с картиной роскоши, безудержной жажды наживы и агрессивных войн, характерных для позднейших империй. В описании бережливости, энергии и сурового быта македонян в древнейший период их истории, спартанцев, луканов, обитателей Испании и др. нетрудно подметить влияние Посидония.

Особенно подробным и характерным представляется изображение жизни скифов

(II, 2), яркий образец идеализации племен периферии. Трог в этом отношении имел многочисленных предшественников, начиная со времени Гомера и Пиндара. Скифы не занимаются земледелием. Главное их занятие — скотоводство. Жилища у них — повозки, пища — молоко и мед, одежда — шкуры животных. Их нравы (mores) — образец для испорченных жадной наживы, вечно мятущихся эллинов. Частное землевладение у скифов отсутствует. Они презирают золото и серебро; у них нет стремления овладеть чужим, нет жажды богатств. Их порядок жизни основан на справедливости (*justitia gentis*). Они отличаются умеренностью, воздержанием, доблестью. Им чужды захватнические стремления.

Уже в древности наметились две различные концепции развития человеческого общества. Одним казалось, что золотой век существовал на заре истории. Все последующее развитие рисовалось как путь, который вел к упадку, к гибели старинной доблести, простоты нравов, к господству низменных страстей и власти денег. С этой точки зрения и преобладание римлян во всем Средиземноморье, их опустошительные походы и многочисленные победы были вовсе не началом нового «века», новой блестящей эпохи всеобщего мира и изобилия, но лишь новым шагом по прежнему пути.

Согласно другому пониманию, золотой век предстоит человечеству в далеком или даже и не очень далеком будущем. Не вечны будут страдания и слезы, не всегда будут погибать лучшие и торжествовать злые или нечестивые. Наступит время, когда мир, справедливость, любовь будут составлять основу человеческих отношений, когда осуществится то, что вдохновенно предрекали древнееврейские пророки, о чем говорилось в изречениях Сибиллы, что так ярко изобразил в своей четвертой эклоге автор «Энеиды».

В основе исторической концепции Помпея Трога лежит идея о том, что золотой век далеко позади. Весь использованный им исторический материал говорит о победе в ходе исторического процесса наихудших стремлений людей, об их отходе от старинного нравственного идеала и благодетельных общественных порядков. Самая идея, как мы видели, не оригинальна. Почти все выдающиеся писатели эпохи Цезаря и Августа говорили об этом. Оригинальность автора «*Historiae Philippicae*» состоит в том, как он развивает эту идею, используя огромный исторический материал, ярко изображая контраст между начальным состоянием человеческого общества и временем образования великих держав, представляющими два различных этапа в истории человечества.

Вопрос о политическом успехе того или иного государства, о причинах его победы и об установлении более или менее прочного его господства вызывал большой интерес в эллинистической и римской историографии. Зрелище событий, в ходе которых рушились или возвышались целые государства, непрочность личного благосостояния, когда вчерашний богатч сегодня становился нищим, сознание зависимости человека от слепых и, как казалось, непреодолимых сил еще в начале эллинистического периода придали новое значение представлению о *τύχη* (судьбе), бывшей олицетворением внешних обстоятельств, игры счастья. Проблема власти судьбы, «переменной», нередко «благоприятствующей недостойным», занимала философов, историков, поэтов. Ее решение было связано с оценкой существующих социальных отношений или исторических событий.

Завоевания Александра Македонского произвели огромное впечатление на современников и на последующие поколения и заставили многих призадуматься над объяснением успехов великого завоевателя. Идея «тихи», которая правит миром, казалось, давала удовлетворительный ответ. Другие под влиянием философии видели основную причину успехов в доблести (*ἀρετή*) Александра. Эти споры продолжались и в римское время. Произведения Помпея Трога, Курция Руфа и, с другой стороны, та часть традиций, которая сохранилась у Арриана и Плутарха, представляют различные толкования чудесной загадки блистательных успехов основателя мировой державы, различные историко-философские концепции.

С другой стороны, внимание историков привлекало возвышение Рима. Ставился вопрос о причинах возникновения и упрочения римской державы. И здесь снова при-

влекалось понятие «тихи», судьбы. Нередко сопоставлялись с противоположных точек зрения военные успехи Александра и Рима, отдавалось предпочтение тому или другому. Противники римлян приписывали их победы слепой удаче.

Дионисий Галикарнасский, весь труд которого написан с целью доказать эллинские *origines* Рима, выяснить культурную близость новых владык экумены к грекам, возражает тем, кто стал бы утверждать, что начальная история Рима не представляет ничего интересного. Почти никто из греков, замечает Дионисий, не имеет понятия о древнейшей истории Рима. Наоборот, распространены неверные взгляды, получившие начало из случайных толков относительно темного происхождения римлян от лишенных очага бродяг, от варваров, и притом несвободных, относительно того, что Рим добился гегемонии не благочестием, не справедливостью (*dikaioσύνη*) и другими добродетелями, но каким-то случайным образом. Эти писатели, которых имеет в виду автор «Римской археологии», винят в несправедливости *τύχη*, раздающую свои величайшие блага недостойным: наихудшим из варваров (Dion., Ant. Rom., I, 4, 2).

Термин «судьба» много раз встречается и в «*Historiae Philippicae*». Автор употребляет его не в одном и том же смысле. Во многих случаях *fortuna* означает «участь» человека, его «долю» (ср. XVIII, 3, 8). В других местах *fortuna* имеет значение «исхода» битвы, «удачи» или «неудачи». Наряду с этим можно указать и на иное употребление термина, так сказать, в историко-философском смысле. Рассказывая, например, о заговоре семи знатных персов против магов, автор замечает, что с у д б а направляет дело так, что Гобрий остается невредимым, а мага убивают. Особенно разительным примером колебания судьбы служит участь Алкивиада — виновника низвержения, а позднее восстановления великой державы (*imperium*). Можно сказать, что именно эта сторона событий — непостоянство судьбы (*fortunaе inclinatio*) особенно интересует Трога. Изменчивость судьбы (*varietas fortunaе*) губит афинян в Сицилии. В истории возникновения и развития величайшей из держав — Македонии при Филиппе и Александре — вмешательство судьбы не играет долгое время сколько-нибудь заметной роли. В кн. VII—XII, посвященных этой истории, *fortuna* почти не упоминается. Скорее выступают личные черты македонских царей, их сознательно проводимая политика. Впервые вполне определенную формулировку мы находим лишь в кн. XIII, в характеристике положения после смерти Александра. Многих Александров вместо одного получила бы Македония, если бы судьба не вооружила их в соперничестве в доблести на взаимную гибель (XIII, 1, 12). Ливий, доказывая превосходство Рима по сравнению с Македонией, утверждал, что Александр у македонян был один, тогда как у Рима, в лице его полководцев, было много Александров. Нельзя не увидеть у Помпея Трога как бы отклика на это утверждение: македоняне также имели бы много Александров и, следовательно, история мира могла бы быть другой, если бы не роковое вмешательство судьбы. В характеристике экспансии Рима, притом самых репающих ее моментов, автор подчеркивает значение *fortuna Romana*. Читатель подготавливается к последующим событиям уже описанием чудесных явлений (*prodigia*), предшествовавших этим событиям: землетрясениями на Эгейском море, на о-ве Родосе и в других городах. Предсказатели пророчествуют, что «восточная империя» (XXX, 4, 4) римлян готовится поглотить древние восточные державы, греков и македонян. Столкновение Рима и Македонии при Филиппе V рисуется как борьба двух миров, Востока и Запада. Одни принесли древнюю, но уже ветхую славу, другие — цвет доблести, обнаруженной в недавних испытаниях. Однако, добавляет автор, «македонян победила судьба римлян» (*sed Macedonas Romana fortuna vicit* — XXX, 4, 16). Другой важный исторический момент — время упадка эллинистических царств — характеризуется тем, что *fortuna Romana*, не довольствуясь пределами Италии, начала простирается к восточным государствам. Заметим, что и по отношению к другой великой державе, которая как бы разделяет с Римом власть над миром, — к Парфии, автор высказал ту же мысль о власти судьбы (см. выше).

Перед нами отражение воззрений и суждений, нашедших широкое распространение в историографии этого времени. Нельзя, однако, сказать, что идея судьбы занимает первенствующее место в исторической концепции Трога.

В литературе давно уже было указано на противоположность в этом отношении Трога и Курция Руфа при изображении деятельности Александра Македонского: у последнего Александр — баловень счастья, вознесенный судьбой на недостижимую высоту и превращающийся вследствие этого в капризного восточного деспота; у Трога Александр — тиран, с холодным расчетом расправляющийся со своими друзьями (I. K a e r s t, *Geschichte des Hellenismus*, т. I, Leipzig, 1927, стр. 542). В «*Historiae Philippicae*» главным историческим фактором в процессе возникновения и падения мировых держав, в судьбе отдельных деятелей и целых государств служит другое: их м о р а л ь н ы е к а ч е с т в а — *mores*, которые наряду с «судьбой» определяют ход исторических событий.

Во всякое время в политико-философской и исторической литературе, в языке ораторов, в обиходе политической жизни существует запас понятий и соответствующих терминов, постоянно используемых. Однако в зависимости от политических взглядов, социальной принадлежности и особенностей идеологии в эти термины вкладывается различное содержание, их применяют в разных целях.

В римской литературе I в. до н. э. мы наблюдаем указанное явление в особенно отчетливой форме. У любого автора этого времени можно встретить такие термины, как «доблесть» (*virtus*), «алячливость» (*avaritia*), «высокомерие» (*superbia*), «справедливость» (*justitia*), «мягкость, кротость» (*clementia*), «умеренность» (*moderatio*), «свобода» (*libertas*), «роскошь» (*luxuria*) и др. Но ясно, что рассуждения на морально-философские темы, в которых используется эта или сходная фразеология, служат разным целям, скрывают различные убеждения и программы. Одной из трудностей исследователя и является раскрытие этого внутреннего многообразия в употреблении одинаковых формул и терминов, установление специфики, характерной для данного автора. В советской исторической литературе есть опыт изучения морально-политической фразеологии в связи с основными линиями идеологической борьбы последнего века республики. С. Л. У т ч е н к о в своем труде «Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики» (Москва, 1952) подробно рассматривает политические взгляды и программы консервативной и демократической партий в Риме, представителями которых он считает Цицерона и Саллюстия. Очень содержательная и интересная книга С. Л. Утченко необходима каждому, кто изучает идеологическую борьбу времени конца республики. Однако автор рассматривает двух представителей политической философии этого периода, на наш взгляд, несколько изолированно, не показывая в достаточной мере их концепций на фоне современной им греко-римской историографии. С. Л. Утченко прав, утверждая, что если римские моральные критерии «звучат теперь, как определения чисто моральных качеств, то римляне вкладывают в них иной, более широкий, пожалуй, правильное сказать — „синтетический“ смысл» (ук. соч., стр. 190), доказывая, что термины, казалось бы, соответствующие греческим терминам (например, *officium* и *καθήκον*), у римлян получали особый смысл (стр. 187). Но все же важно было бы, не ограничиваясь этим утверждением, определить степень влияния идей греческой политической философии в римской среде, тем более, что римские историки (Помпей Трог служит здесь ярким примером) нередко использовали исторические произведения греков, в которых постоянно применялись положения этой философии.

Со времени распространения софистики и риторики и проникновения их в область греческой историографии, т. е. уже в IV в. до н. э., а еще более в эллинистическую эпоху для этой историографии характерно преобладающее значение в ней морально-философских и дидактических элементов. Учение о доблести (*ἀρετή*) и добродетелях в их вариантах сообразно с воззрениями различных школ, нередко причудливое сочетание этих воззрений нашли яркое отражение в исторических трудах. Характерной чертой этих трудов является эклектизм, присущий философии эллинистическо-римского времени, соединение идей, имевших различные корни.

Взгляды греческих философов встречались с другими воззрениями, сложившимися на римской почве: с представлением о древних нравах (*mores antiqui severitatis*, по выражению Трога) и их значении для жизни государства. Философия истории, рисующую ход исторического процесса как изменение в состоянии нравов, утрату

прежней справедливости, скромности и воздержания, которым на смену пришли жадность (*avaritia*), роскошь (*luxuria*), наглость (*arrogantia*) и надменность (*superbia*), развивал в своих «*Origines*» еще Катон, *laudator temporis acti*. Сто лет спустя это толкование истории было уже одним из историко-философских *loci communes*, встречающихся у представителей различных партий и направлений: сторонники аристократической республики и цезарианцы, крайние и умеренные, современники крушения республики и писатели императорского времени, стоики и последователи Эпикура — все они восхваляют древние нравы (*mores antiqui*) и противопоставляют их современной роскоши и безнравственности. У Цицерона и Саллюстия, Ливия и Тацита, Горация и Помпея Трога можно легко найти сходные суждения и формулы. Выработывается определенный стандарт, терминология тождественна у самых различных авторов, что не исключает, однако, и некоторого их своеобразия.

Учение о добродетелях не оставалось неизменным: в отличие от первоначальной теории, позднее, как это видно из трактата Цицерона «*De officiis*» (1, 4, 6), из трех основных добродетелей: храбрости (*ἀνδρεία*, *fortitudo*), мудрости (*σοφροσύνη*, *sapientia*) и справедливости (*δικαιοσύνη*, *justitia*) — первая, храбрость, несколько снижается в своем значении. Без справедливости храбрость уже не является истинной добродетелью. Воздействие учения о добродетелях именно в такой позднейшей форме, когда на первый план выдвигаются «справедливость» и «мудрость», мы находим в «*Historiae Philippicae*». Трог дает обильный материал для моральной характеристики исторических деятелей. Первое, что можно подметить в этих характеристиках, это то, что положительные черты в них выступают менее ярко, чем отрицательные. Историческим деятелям и даже целым государствам, которых он характеризует с положительной стороны, у него присущи две добродетели: умеренность и справедливость.

Умеренность (*moderatio*) — одно из главных достоинств тех царей, которых восхваляет автор. Она свойственна знати (*principes*) и царям в далекую пору существования добрых нравов. Умеренностью отличалась, например, в древности персидская знать. *Moderatio* характеризует и деятельность древних македонских царей, пользовавшихся любовью народа, как Аргей и др. Вообще умеренность — это отличительное свойство тех царей, деятельность которых представляет резкий контраст поведению и приемам основателей держав, завоевателей. Таков, например, Птолемей I в Египте, умеренность которого после его победы над Деметрием Полиоркетом принесла ему более славы, чем самая победа, Анаксилай в Сицилии и др. Но особенно выдвигается значение этой добродетели в изображении скифов. Если бы и у других смертных, по словам Трога, была такая же умеренность, то войны прекратились бы на земле (II, 2, 11).

Другая добродетель, также характеризующая древние нравы и доблестных правителей, — это справедливость (*justitia*). В первобытном состоянии (см. описание жизни скифов и Сатурнова века в Италии — II, 2 и XLIII, 1) справедливость является одним из природных качеств (*ingenia*), позднее она — следствие мудрых законов. Солон — это муж замечательной справедливости (*vir justitiae insignis*). Ликург своими законами направляет деятельность первых людей Спарты на создание справедливой власти. Обычно обе добродетели встречаются вместе.

Значительно более полной представляется характеристика отрицательных свойств царей и правителей. Перед нами на протяжении всего труда Помпея Трога явственно и неоднократно выступает яркий образ тирана со всеми присущими ему отрицательными моральными качествами. Но жестокость, надменность, низкие страсти и пр. свойственны отнюдь не только тиранам: это — явление более общего порядка, связанное с общим ходом исторического развития. Прежние добрые нравы сменяются иными.

Стремление к роскоши, как определяющая черта в развитии общества или в характеристике отдельных лиц, выступает отнюдь не в одной какой-нибудь главе или книге Трога: упоминания о ней проходят через весь его труд. Подробно, например, говорится о роскоши и борьбе с ней в связи с деятельностью Пифагора (XX, 4). В начале своего труда Трог говорит о лидийцах, народе некогда могущественном благодаря своей энергии (*industria*). Впоследствии, однако, лидийцы впали в изнеженность и роскошь и утратили первоначальную доблесть. У македонян роскошь впервые

появляется после битвы при Иссе, когда начинаются пышные пиры и входят в обычай великолепные блюда. Александр все больше стремится подражать персидской роскоши, надевает диадему, облачается в пышные одежды; его окружают толпы палачниц (XII, 3). Изображая очень красочно нравы Птолемея IV, автор указывает, что царь Египта предался роскоши, а за ним последовали придворные и армия, проводившие жизнь в праздности и бездействии (XXX, 1). Последние Селевкиды окончательно губят государство теми же пороками (*luxuria*).

Другая характерная черта описываемого морального состояния — это жестокость, склонность к обману и преступлениям. Бесчисленны упоминания о жестокости (*crudelitas*) в «*Historiae Philippicae*». Ужасы тирании нашли яркое изображение у Тимея (Агафокл, Дионисий Старший), у Эфора и др. Схема эта принята до некоторой степени неизменные черты. Тиранин — властитель, окруженный стражей, отдаляющийся от народа. Насилие и репрессии — отличительные черты его политики. Его моральный облик характеризуют жестокость, высокомерие, жадность к деньгам, разврат, грабежи и убийства. Одной из типичных особенностей тирана является также лицемерие (*simulatio*). Эта схема выдержана и у Трога по отношению к тиранам, начиная с ранних времен. Писистрат захватил власть хитростью (*per dolum*) и действовал двулично. Жесточайшими тиранами представляются и тридцать тиранов в Афинах. Но особенно подробно и ярко нарисована картина господства варварски жестокого тирана Клеарха в Гераклее Понтийской (XVI, 4—5). Исключительно жестокими властителями изображены сицилийские тираны, *crudelissimi* и *saevissimi* (кн. XX—XXIII). Зависимость от Тимея в изображении сицилийских событий сказывается, несомненно, очень сильно. Но опять-таки следует указать, что тираны и в других местах «*Historiae Philippicae*» характеризуются сходным образом, так что эти характеристики служат постоянным ингредиентом его изложения, а не связаны лишь с использованием определенного источника. Помпей Трог переносит черты разлагающейся морально личности тиранов и их политики не на одного Филиппа II или Александра, но и на многих других царей или даже города, ведущие державную политику (Афины или Спарта). Афиняне своей жестокостью, своей державной политикой, лишенной умеренности, возбудили сильную ненависть (V, 1, 4). Жестокость — характерное свойство эллинистических царей: Птолемеев и Селевкидов, а также царей Парфии. Еще одна особенность, характеризующая нравы большинства правителей, это — надменность (*superbia*). Образцы ее дают тираны, а с другой стороны — парфяне, Афины, Александр Македонский и др.

Трог часто упоминает о преступлениях правителей, в особенности об умерщвлении родственников. Длинная цепь этих преступлений тянется с отдаленных времен, но главным образом о них говорится в эпоху возникновения держав и их упадка. *Rapticia* — частое явление в древнем персидском государстве. Но подобные же преступления свойственны политике Филиппа и Александра, а позднее получают необычайное развитие в период распада Македонской державы. Дети Кассандра погибают, Лисимах велит казнить собственного сына Агафокла. Особенным мастером на эти убийства, жестоким и изобретательным, был Птолемей Керави, но и позднейшие Селевкиды и Птолемей или Македония при Персее дают множество примеров преступлений этого рода. В постоянной практике убийств в кругу царской семьи автор усматривает фатум Парфянского царства.

В изображении тиранов Помпей Трог не дает чего-либо нового по сравнению с обычными их изображением в эллинистической историографии. Но интересно то, что и здесь у него нередко внимание обращено преимущественно на внешнюю политику: в главе о Писистрате подробно рассказывается о его победе над Мегарами и о захвате власти. О внутренней политике ничего не говорится. Гиппий — это поджигатель войны (*conceptor belli*). Тираны в Сицилии — соперники Карфагена. Наконец, самым существенным является перенесение характеристики политики тиранов на широкую область международных отношений, на политику Филиппа и Александра, Рима и Парфии.

Велико, таким образом, значение, которое в произведении Трога имеет учение о добродетелях и о роковой смене «древних нравов» губительной страстью к роскоши и жадности к деньгам. То своеобразное, что имеется у Трога в применении традицион-

ных, казалось бы, застывших схем, что отличает его в этом отношении от других авторов, заключается в распространении обычной морально-философской схемы на широкую область международных отношений.

О политических взглядах Помпея Трога мы можем судить только на основании содержания эпитомы Юстина. Этого недостаточно, чтобы охарактеризовать убеждения Помпея Трога сколько-нибудь отчетливо. Все же ясно, что он не был сторонником авторитарических тенденций и что, как можно судить по отдельным выражениям, его симпатии на стороне умеренного режима. *Moderatio*, которую он так восхваляет в области внешних отношений, повидимому, должна служить руководящим принципом и внутренней политики. Во всяком случае уже в начале своего произведения автор отмечает, что в старину цари (*reges*) имели власть не благодаря заискиванию перед народом, но вследствие умеренности, проявленной ими по отношению к «благомыслящим» (*boni*) людям (I, 4, 1). Замечания в конце кн. XLII и XLIV рассматривались как выражение положительного отношения автора к Августу, хотя их одних все же недостаточно, чтобы представить отчетливо это отношение. Наконец, было обращено внимание на некоторое пристрастие Трога к его землякам — галлам. Всех этих наблюдений мало, чтобы определить позиции автора в сложной социально-политической обстановке конца республики — начала империи. Но, может быть, в этом и нет особой надобности. Помпей Трог был ученым с большой эрудицией, с широким кругом научных интересов (у него были работы «О животных» и «О растениях»), но он не был выдающимся историком или политиком. В основном историческая концепция «*Historiae Philippicae*» принадлежит не ему, а его греческому предшественнику. Если этим предшественником и не обязательно был Тимаген, относительно которого известно, что он не сумел приспособиться к новому режиму при Августе и должен был покинуть Рим, то во всяком случае им был автор с резко выраженным отрицательным отношением к завоевательной политике. Его произведение, по каким бы мотивам оно ни было использовано Трогом, свидетельствует о расхождении с официальной идеологией и, таким образом, может служить источником при изучении взглядов, характеризующих отношение кругов населения, далеких от того, чтобы славословить победителей.

Все сказанное о «*Historiae Philippicae*» свидетельствует, что перед нами произведение, тесно связанное с политической и идеологической борьбой своего времени. Проследить эти связи не легко, так как утрачен первоначальный источник, использованный Помпеем Трогом — труд греческого автора. Все же, несмотря на то, что Помпей Трог не был историком, способным наложить яркий индивидуальный отпечаток своей мысли на привлеченный им материал, по-новому осветить его и оживить своеобразным пониманием событий, несмотря на то, что произведение начитанного, но не оригинального римского автора начала империи подверглось произвольному сокращению Юстина, несмотря на все эти неблагоприятные условия, «*Historiae Philippicae*» остаются замечательным памятником античной историографии, отразившим беспокойную мысль и тревожные настроения времени ожесточенной борьбы за господство в рабовладельческом мире Средиземноморья.

Этот литературный памятник представляет интерес во многих отношениях. Все изложение Трога, богатое историческим содержанием, пронизано немногими руководящими идеями — идеей смены мировых держав, возникавших, усиливавшихся и сходявших затем с исторической сцены. Эти империи, основанные на жажде господства и беспощадной агрессии, составляют резкий контраст с первоначальным состоянием человеческих обществ, когда отсутствовали стремления к покорению соседей и когда были сделаны главные культурные открытия. В этой исторической концепции нельзя не видеть выражения протеста против насилий и произвола основателей империй, самыми яркими представителями которых были в глазах автора Филипп и Александр Македонский, но от которых, если иметь в виду приемы ведения войны и дипломатическую практику, не отличались и римляне.

Мы уже указывали на то, что, несмотря на мозаику источников, фразеология в «*Historiae Philippicae*» отличается чрезвычайной цельностью во всех частях этого произведения.

Если присмотреться к греко-римской историографии второй половины I в. до н. э., то можно заметить большое сходство этой фразеологии с тем, что мы находим в сочинениях выдающегося историка конца республики — Саллюстия. Своеобразная философия истории Саллюстия хорошо известна. Поэтому мы ограничимся тем, что остановимся лишь на некоторых ее моментах, существенно важных для понимания «*Historiae Philippicae*». Саллюстий предпосылает изложению заговора Катилины общий очерк истории Рима, характеризуемой с морально-политической точки зрения. В этом очерке имеются черты, сходные с исторической концепцией Помпея Трога. У Саллюстия нет ничего о начатках культуры и общественного развития (*origines*), но и согласно его изложению, в начале истории отсутствует стремление к наживе и власти: каждый довольствуется своим. Лишь со времени правления Кира, основателя персидской державы, и усиления Спарты и Афин начинается подчинение городов и племен, появляется страсть к господству (*lubido dominationis*), являющаяся причиной войн (*Cat.*, 2).

Проблема войны занимает и Саллюстия. Но он ставит ее иначе, чем Помпей Трог: он полагает, что человеческие дела были бы устойчивее, если бы доблесть (*virtus*) царей проявлялась не только на войне, но и в мире. Причины войн и вообще борьбы в человеческом обществе — это стремление к власти и богатству (*imperium et divitiae*). Так же как у Помпея Трога, *imperium* сопровождается изменением в правах: вместо трудолюбия теперь господствует лень, вместо сдержанности и справедливости — низменные страсти, высокомерие и алчность к наживе (*Cat.*, 3). Но последовательности здесь у Саллюстия нет, и вывод для читателя получается несколько неожиданный: власть всегда, утверждает он, переходила к самому лучшему. Саллюстий, как и Помпей Трог, пользуется термином *scelus* (преступление), но в ином применении: под этим углом зрения он рассматривает действия Югурты и заговор Катилины. Преступления порождаются испорченными правами государства (*corrupti civitatis mores*). Эти общепризнанные воззрения автора применяются к истории Рима. Концепция этой истории такова. Вначале существовали наилучшие государство и власть, они превращаются с течением времени в наихудшие. Таким образом Саллюстий противопоставляет не два состояния общества, как Помпей Трог, — *origines* и *imperia*, но два вида последних: справедливую власть и несправедливую (*imperium justum et injustum*).

Римское государство, по Саллюстию, проходит три этапа: 1) первоначальное состояние, когда отсутствуют города, законы и власть (*sine legibus, sine imperio*), когда все свободны; 2) период преуспевания, войн с соседями, проявления доблести. Это — период существования власти, основанной на законе (*imperium legitimum*), руководства со стороны сената, расцвета справедливости, трудолюбия. Перемену вносит судьба (*fortuna*): со второй половины II в. до н. э. она начинает свирепствовать по отношению к Риму, наступает третий период, который характеризуют жажда покоя, богатств, огромный рост стремления к деньгам и власти. Власть становится также жестокой и непереносимой (*imperium crudele et intolerabile*).

Другой гранью, знаменующей полное развитие этого процесса политического и нравственного вырождения, является время господства Суллы. Отношение к побежденным беспощадное: им ничего не оставляли. На государстве лежит печать испорченности. Власть в руках немногих, которые действуют путем преступлений (*Cat.*, 11). Рисуя черными красками власть «немногих», изображая их жадность, высокомерие, низменные страсти, Саллюстий делает это, однако, не с точки зрения интересов и стремлений плебса. Деятельность народных трибунов у него представлена далеко не в благоприятном освещении. Его политический идеал — умеренная старинная республика, «справедливая власть» (*imperium justum*).

По своим общим историческим взглядам и по фразеологии Саллюстий, в особенности в «Заговоре Катилины», ближе других стоит к Помпею Трогу. Морально-философские понятия у того и другого одни и те же. Оба считают *avaritia* причиной всех зол. Но представители этих злых сил в истории у обоих авторов различные. Саллюстий прилагает эту схему «жестокой власти» и «испорченных прав» к римскому нобилитету конца II — начала I вв. до н. э. и, с другой стороны, к его противнику — Катилине, который вместе со своими приверженцами изображается Саллюстием как про-

дукт крайнего разложения нобилитета: ведь в состав катилинариев и входят прежде всего *nobiles* (Cat., 17, 5—6). Бичуя «суровую власть», Саллюстий положительно относится к *imperium iustum*, и идеи писем к Цезарю (*Epistolae ad Caesarem senem*), призывы к смягчению власти, аргументы против применения беспощадных репрессий и пр. согласуются с общими воззрениями Саллюстия. Помпей Трога *imperium* интересуется как система господства над другими народами. Он применяет охарактеризованную выше схему возникновения и усиления державы и сущности ее политики со всеми сопутствующими последней явлениями к конкретным государствам, к создателям держав и к их позднее выродившимся преемникам. В связи с этим приходится рассматривать и его отрицательное отношение к Риму.

«*Historiae Philippicae*» уступают произведениям Саллюстия и в оригинальности мысли, и в степени понимания значения политической борьбы внутри государства, и в блеске литературной формы, но имеют несомненное преимущество перед ними в одном отношении: в необычайной широте замысла автора, в стремлении в едином синтезе охватить весь материал всеобщей истории. Рассматривая произведение Помпея Трога с этой точки зрения, его приходится сопоставлять уже не с небольшими монографиями Саллюстия и даже не с его более крупным трудом «*Historiae*», посвященным истории римской республики опять-таки лишь на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени, но с работами такого же масштаба, и притом принадлежащими этому же времени: с огромной «Всеобщей историей» Николая Дамасского и «Исторической библиотекой» Диодора Сицилийского. И нужно сказать, что это сопоставление не во всех отношениях будет невыгодным для «*Historiae Philippicae*». Если Диодор дает нам неизмеримо больший и более ценный исторический материал, подобного которому мы, вероятно, не получили бы и в том случае, если бы перед нами был подлинник произведения Помпея Трога, то по цельности и своеобразию исторической концепции Трог превосходит автора «Исторической библиотеки». С другой стороны, у всех них следует отметить интерес к общим линиям исторического развития, характерный для эллинистической историографии, умение оформить и связать огромный конкретный материал, избегая общих фраз и не довольствуясь в то же время нагромождением бесчисленных фактов.

Значение «*Historiae Philippicae*» обуславливается не только тем, что в них мы имеем единственный связный очерк истории эллинистической эпохи, и не только тем, что использованные автором в первых книгах многочисленные источники позволяют составить более точное представление о состоянии греческой историографии в предшествующие века. Значение этого произведения заключается и в том, что в нем, пусть в измененной и даже искаженной форме, звучит протест против внешней политики, основанной на праве сильного, на обманах и злодеяниях, и, с другой стороны, в том, что автор, пользуясь прозрачной исторической схемой, дает возможность проследить политическое и отчасти культурное развитие многочисленных государств античного мира. Помпей Трог, или, вернее, неизвестный нам по имени греческий автор, следовал одной из великих традиций греческой науки — исходить при изучении явлений по возможности из целого, не ограничиваясь частичным исследованием, и пытался в одной картине с резкими контрастами света и тени представить весь ход всемирной истории.

